

Я Лондон полюбил за то, что в злые годы
Лишь он сумел добра завет хранить,
Приветливость ко всем, веселье и свободу,
Годов былых непорванную нить.

*Архимандрит Нафанаил,
27 июля 1938 года.*

Владыка Нафанаил, в миру Василий Владимирович Львов, родился в августе 1906 года в Москве. Его отец Владимир Николаевич Львов (1872–1930) – из древнейшего тверского нетитулованного дворянского рода (известен с 1425)¹, получил хорошее домашнее образование, отличался живостью ума, эмоциональностью, хорошо музицировал, рисовал, писал стихи, учился в московской частной мужской гимназии, директором которой был Л.И. Поливанов. Можно сказать, что печать исключительности лежит на Львовых, поскольку жизнь их сплетена с внешними обстоятельствами большой важности, участниками, свидетелями и жертвами которых им пришлось быть.

По свидетельству современников, все Львовы были очень просвещенными людьми, русскими европеизцами; это у них идет от XVIII века, то есть от времени, когда европейское просвещение было в России уделом еще очень немногих.

В 1895 году Владимир Николаевич закончил два факультета (историко-филологический и юридический) Московского университета, а через два года Московскую Духовную академию Свято-Троицкой Сергиевой лавры – вольнослушателем. Находясь в духовном кругу известного тогда в России старца Троице-Сергиевой Лавры отца Варнавы, Владимир Львов хотел передать свое со-стояние церкви и уйти в монастырь. Но отец Варнава не благословил его на монашество. Он нашел ему невесту Марию Алексеевну Толстую (1873–1943) в 1900 году обвенчал их и, как рассказывает семейство предание, благословив молодых, дал наказ не разлучаться ни при каких обстоятельствах.

Мария Алексеевна получила в наследство четыре тысячи десятин земли в Самарской губернии с усадьбой при селе Кротково Бугурусланского уезда, где и поселились молодые. Владимир Николаевич оказался хорошим хозяином, и Кротково быстро превратилось в доходное имение. Владимир Николаевич приписался к Самарскому дворянству. Много времени уделял земской деятельности, поэтому его дети с малых лет видели в отце живой пример помочь людям. Неоднократно избирался уездным и губернским гласным по Самарской губернии. Жили в основном в селе Кротково (5 верст от города Бугуруслана). Но в 1907 году Владимир Николаевич был избран депутатом III Государ-

¹ Его прапрадеды за службу в войнах с Польшей, Турцией, Персией… «по грамотам царей и великих князей» были пожалованы в вотчинное владение поместьями в Новоторжском уезде. Его прадед Николай Александрович Львов (1753–1803) – известный архитектор и ученый энциклопедист, другой прадед (по женской линии) – граф Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), адмирал, первый в истории России морской министр. Его мать из древнейшего дворянского рода Челищевых – «честь и украшение своего сословия».

ственной Думы и с тех пор, как вспоминает владыка Нафанаил, «отец и мать проводили время в Петербурге, откуда мама приезжала чаще, а папа лишь на Рождество, Пасху и на лето, привозя нам подарки. Мы очень любили отца и мать. Отец с матерью жили очень дружно».

В семье было 6 человек детей: 5 мальчиков и одна девочка. После рождения первого ребенка (сына Николая в 1901) Марии Алексеевне врачи не рекомендовали больше иметь детей, опасаясь за жизнь матери и новорожденного. Но по благословению отца Варнавы через год родилась дочь Мария (1902-1989), а затем и сын Алексей (умер в младенчестве от воспаления легких), а затем и Василий (1906). Отец Варнава незадолго до своей кончины (17 февраля 1906 г.) предсказал Львовым рождение второго сына и его духовный путь: «Вместо вашего покойного Алексия, Господь посыпает вам и избрал его Себе на служение»¹. Старец благословил еще не родившегося ребенка на тот монашеский подвиг, которым хотел идти его отец.

Василий получил домашнее образование: знал французский и английский языки. Готовился к поступлению в Бугурусланское реальное училище.

Но наступил 1917 год. Отец Василия был избран Обер-прокурором Святейшего Синода и уехал в Петербург. Там сто лет назад Владимир Николаевич Львов стал свидетелем события, повлиявшего на судьбу нашей страны. В квартире князя Павла Павловича Путятиня на Миллионной улице в доме №12 великий князь Михаил Александрович подписал документ о согласии принять престол при одобрении собрания представителей всех российских сословий, для чего было назначено время для выбора депутатов, а власть в стране временно передавалась переходному правительству, в которое и вошел В.Н. Львов².

Мария Алексеевна Львова осталась с детьми. Позже она говорила: «Для нас лично всё это Божье наказание за то, что мы из-за денежных попечений не соблюли завета батюшки Варнавы: разлучились надолго. Если бы я была в Петербурге, ваш отец не вошел бы в это Временное Правительство. Я всё сделала бы, чтобы его отговорить».

В конце августа 1917 года в жизни Василия, как он вспоминает, произошли три великих события: «он стал скаутом, поступил в 3-ий класс Бугурусланского реального училища и был избран лидером партии народной свободы своего класса, по случаю чего надел на одну цепочку с крестом портрет Милюкова».

Тем временем политическая обстановка в стране быстро и резко менялась. 26 октября друзья сообщили родителям, что Петроград взят большевиками и что немедленно надо скрываться, т.к. новая власть расправляется с членами Временного правительства. Родители решили попробовать отправиться через всю Россию из Петрограда к детям в Самарскую губернию, куда и прибыли в декабре 1917 года. По дороге заехали в Новинки (имение Марии Алексеевны), где трагические события были еще впереди. Здесь они отдохнули в течение нескольких дней, брат Марии Алексеевны снабдил их более действительным, непросроченным паспортом, и родители отправились в дальний путь, через Москву и Самару в Бугуруслан, куда приехали в декабре.

Далее Владыка вспоминает: «Нам, детям, не было сказано о приезде мамы и папы, хотя мы по ним очень тосковали... Мы были вообще очень несчастны в то время. Средств к жизни было очень мало. Приходилось продавать спекулянтам мамины меховые вещи... Продукты стоили очень дорого... У всех началась цинга... Но вот на Пасхальной неделе я увидел маму... Рядом стоял высокий бритый человек. Это был отец, которого без бороды я не узнал... Папа довольно много времени в это лето гостили с нами. Он тогда увлекался чтением немецких исторических трудов о новооткрытых перед войной хетттях, о хеттской империи и хеттских королевствах... Так как мало кто другой разделял с ним в это время исторические увлечения, то он, к моей великой гордости, делился этими интересами со мной и я был до чрезвычайности польщен тем, что знал о хетттях, о которых никто ничего не знал...».

В сентябре 1918 года к власти в Самаре пришли большевики, и Львовы вынуждены были спешно эвакуироваться на восток с Белой армией. Собирались ехать через всю Сибирь до Владивостока,

¹ Цит. по: Львова А.П. Воспоминания отца Нафанаила // Н.А. Львов. Жизнь и творчество. Новые материалы / сост. и науч. ред. А.Б. Никитина. Вышний Волочёк, 2013. С. 669. Помещенные ниже цитаты из воспоминаний о. Нафанаила приводятся по этому же изданию.

² Самого князя П.П. Путятиня в это время не было в Петербурге, но рядом с великим князем и политиками будущего временного правительства находились супруга князя Путятиня и его дочь Наталья Павловна. Впоследствии она стала знаменитой европейской балериной и основала балетную школу на Мальте, где вышла замуж за брата мальтийского премьер-министра Табоне.

чтобы оттуда пробираться в США, где у Владимира Николаевича были влиятельные друзья, среди которых И. Крейн, ставший впоследствии известным благотворителем русской эмигрантской молодежи в Париже.

Но когда остановились на несколько дней в Омске, где в это время формировалось правительство Колчака, Владимир Николаевич стал подумывать о вступлении в него. Но в это время Мария Алексеевна заболела тифом. Ближайшим городом с хорошими больницами был Томск, куда и направились Львовы.

В Томске прожили около года. Старший брат Николай поступил в Томское юнкерское училище на восьмимесячные офицерские курсы, сестра Мария – в выпускной класс гимназии Марковича, Василий – в четвертый класс Алексеевского (в честь наследника Алексея) Томского реального училища, младшие братья – в младшие классы. Владимир Николаевич уехал в Омск. Там обнаружилось, что участие во Временном правительстве стало к этому времени не преимуществом, а значительным минусом. Для окружения генерала Корнилова преемственность с Временным правительством была в тот момент крайне невыгодна, и Владимира Николаевича откаzzались принять на работу. Мария Алексеевна и её двоюродная сестра «тётя Муся» за мизерную плату начали давать уроки английского языка. От голодной смерти семью Львовых спасла икона Божией Матери (благословение от бабушки на свадьбу). Икона была небольших размеров, но её оклад был украшен множеством небольших бриллиантов. На средства от продажи этих бриллиантов Львовы прожили зиму 1918–1919.

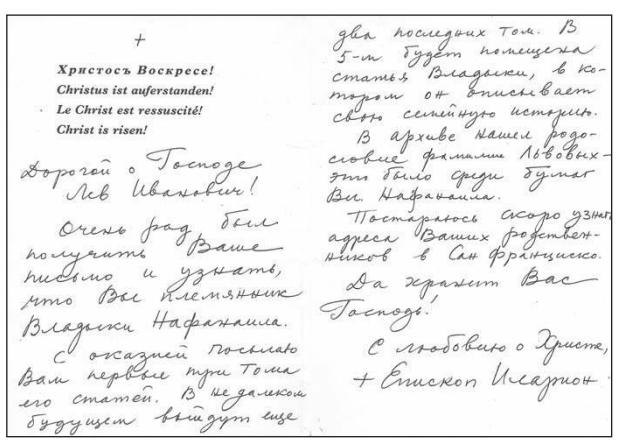
Когда с приближением красных пришлось эвакуироваться ещё дальше на восток, то Владимира Николаевича как политического деятеля, не взяли в эшелон с беженцами. И он уехал во Владивосток почтовым поездом. Это было его последнее прощание с семьей. Из Владивостока он переехал в Японию. Оттуда он в начале 1920 уехал во Францию, где поддался возникшему там сменовеховскому течению и в 1922 году вернулся в Россию. В 1927 был арестован и сослан в Томск, через 3 года освобождён, но вновь арестован. Умер в томской тюремной больнице. Реабилитирован посмертно.

Сам владыка Нафанаил, как и все близкие Владимира Николаевича, впоследствии вспоминал о предсказании старца Варнавы о том, что, ни при каких обстоятельствах не надо было разлучаться Владимиру Николаевичу с женой.

Эшелон, в котором отправились на восток Львовы, двигался очень медленно. На каждой станции стояли по несколько дней, поскольку чехословацкие военные отбирали у всех эшелонов паровозы. Поведение чехов вызывало возмущение. «При эшелоне было несколько классных вагонов, в которых жили американские доктора и два десятка американских солдат, посыльно охранявшие вагоны эшелона. Им неоднократно приходилось вмешиваться, когда чехи ночью приставали к девушкам – служащим Американского Красного Креста». «На фоне чешской подлости выделялось благородство поведения поляков и особенно сербского и карлето-русского легионов. Они постоянно вступали за русских, которых беззастенчиво грабили чехи. Но сделать что-либо решительное они не могли, так как чехов было гораздо больше».

Из воспоминаний владыки Нафанаила мы узнаем подробности повседневной жизни беженцев. Оказывается, значительную роль в их спасении от голода тогда сыграло скаутское движение, развившееся по всей России незадолго до большевистского переворота. Василий Львов был скаутом, и в каждом населенном пункте ему удавалось найти своих единомышленников – подростков и молодых людей, которые оказывали помощь попавшим в беду товарищам.

Запомнилась Василию Львову встреча с известным скаутом Константином Перцовым, который живым вырвался из ада гражданской войны, поселился в США, где стал известным благотворителем и общественным деятелем. Запомнились и прогулки со скаутами по Енисею в Красноярске.

Из личной переписки Льва Львова
(племянника Владыки Нафанаила)
и Епископа Илариона. 1993 г.

Архимандрит Нафанаил 1939 г.

В Томске, где Львовы задержались, появился Американский Красный Крест и Христианский Союз Молодых людей (ИМКА), оказывавший значительную помощь русским эмигрантам. Т.к. все дети в семье с детства разговаривали по-английски, то скоро и Мария Алексеевна, и дочь Мария поступили на службу в Американский Красный Крест, Василий и Григорий – «мальчиками на побегушках», только младший Иван остался безработным».

В Томске Василий стал активно заниматься скаутизмом, и летом оказался в лесном лагере скаутов, где собралось более пятисот детей и молодых людей. Когда к лагерю начали приближаться партизаны из красной банды Щетинкина, было принято решение возвращаться в город. По пути Василий и его несколько товарищей попали под обстрел бандитов и, скрываясь от них, углубились в лес. Здесь с ними случилось чудесное событие, осознанное позже. Ближе к ночи ребята вышли на поляну, где стояла хижина. В хижине у стены они обнаружили большой деревянный крест: «Это нас очень подбодрило,

– пишет владыка Нафанаил, – так как мы поня

ли, что попали в хижину отшельника, а не в разбойничье логово». Они заночевали в хижине, а потом в Томске ребята узнали, что провели ночь в приюте старца Федора Кузьмича, под именем которого, как считается, скрывался император Александр I.

Старший брат Николай в августе 1918 года закончил юнкерское училище и ушёл на фронт офицером. Сестра Мария, которая работала в Американском Красном Кресте, была отправлена на станцию Тайга в нескольких десятках верст от Томска.

Вскоре началось массированное наступление большевиков. Чехи под влиянием большевистской пропаганды снимали свои части с фронта. Союзники перестали оказывать помощь, и Белая армия вынуждена была отступать. Семья Львовых приходилось снова эвакуироваться. Маму Львовых и сестру Марию американцы взяли в эшелон Красного Креста, как служащих этой организации. С ними взяли и мальчиков Василия, Гришу и девятилетнего Ваню. Вот, что вспоминает об этом путешествии Владыка Нафанаил:

«Нас, пятерых детей, ехавших в эшелоне, задарили сладостями. Всё нескоропортящееся из этого мама взяла у нас и отложила до православного Рождества. Мама попросила на кухне сварить ей клейстеру, и вся молодежь в нашей теплушке занялась склеиванием украшений для ёлки... Ёлка получилась на славу. Мы, дети, зная наизусть тропарь и кондак Рождества ходили «славить» по отдельным вагонам... Моеей бедной маме было очень тяжело. Ни о папе, ни о старшем брате Николае не было никаких известий. Ходили зловещие слухи о полном уничтожении всей Колчаковской армии...».

«На несколько дней задержались недалеко от Иркутска, на станции Иннокентьевская, где находился старинный XVII столетия, Вознесенский монастырь, в котором почивали мощи Святителя Иннокентия Иркутского... Мы отстояли обедню... помолились за папу и за Колю, чтобы Господь сохранил их... Мама причастилась. Потом все вместе прикладывались к мощам Святителя Иннокентия...».

Между тем, Красная армия всё приближалась. Под Красноярском была разгромлена основная Белая армия адмирала Колчака.

В Иркутске, где недолго остановился эшелон Американского Красного Креста, власть уже взяли коммунисты с левыми эсерами. Уже был арестован адмирал Колчак, и началась расправа над его офицерами. Американцы не оказывали им никакой помощи, но не препятствовали русским,

находившимся в эшелоне, тайно принять в вагоны этих беглецов.

Младшая сестра Василия Львова Мария вела дневник, по страницам которого её сын Том написал и опубликовал в 1999 году нерифмованные стихи на английском языке. В этих стихах содержится много живых свидетельств того страшного времени и непосредственных физических ощущений и духовных переживаний лучших представителей русского народа, оказавшихся в условиях большевистского геноцида. Поэтому мы приводим их здесь полностью в переводе правнучатого племянника о. Нафанаила – Глеба Билецкого:

В Сибири снега растут прямо из-под земли,
Деревья из снега, трава из снега, белая пшеница,
Замёрзшая рожь. Три тысячи миль снега,
Несколько деревень, несколько костлявых собак,
Крестьяне, вышедшие помахать нам на прощание.
Каждый день наш поезд пробирается через эти белые поля.
Тетя Муся сказала, что за нами остался целый урожай крестов,
«достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетит любого большевика».

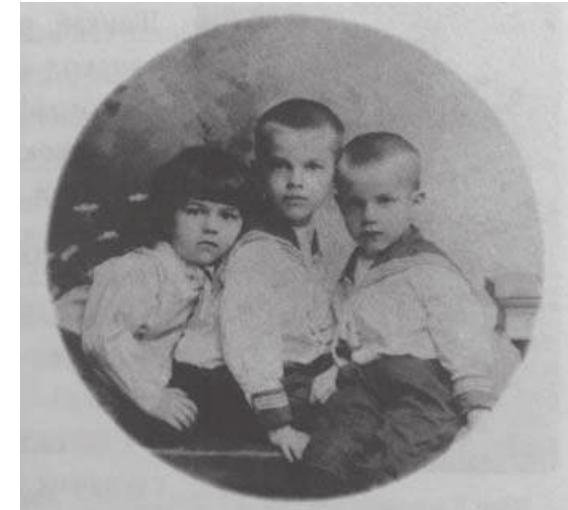
Угольные печки в середине каждого вагона
Качаются вперёд и назад, как пьяницы.
Всё, что мы жжём – это дерево, сырое и зелёное,
Которое дымит так сильно, что мы вынуждены держать окна открытыми.
Холод исходит от всего, до чего мы касаемся,
Кожа промерзает даже сквозь наши перчатки.
И бороды. Волосы виснут, как сосульки, к земле и не тают.

Мы встали на колени на озере Байкал
И прижались лицами ко льду, чтобы увидеть
Вымерший вид – древнюю рыбу, о которой читали,
Когда были ещё детёныши, пойманную в ловушку подо льдом,
Который увеличивал каждую её чешуйку до ногтя пальца.

В поезде миссионеры, думая, что мы молились
Языческим богам в озере, пугали нас
Лесами, кишащими партизанами Троцкого.

Я помню, что никто не улыбался.
Твоя бабушка молилась Богу.
Последнее письмо твоего дедушки из Парижа сообщало,
Что Господь позвал его обратно в Россию.
Я не могла думать ни о чём, кроме
Нескончаемых миль и миль снега и снега.
Которые наш поезд прорезал, словно ножницами.
Земля, как листок белой бумаги, оставалась позади нас
Так же, как и наши потерянные жизни.

В карманах моих братьев, слишком юных,
Была только их собственная история:

Иван, Василий и Григорий Львовы.
Личный архив Н.С. Толстого.

Мария Алексеевна Львова, Василий, тетя Муся,
Машенька, Николай. Бугуруслан. 1917 г.

Белые войска в Омске. 1919 г.
Личный архив.

Мраморные камешки, цветные карандаши, оловянные солдатики,
Мечты – не больше безделушек.

Но я уже целовала мальчика
И оставила его целовать других девочек,
Или умереть, целуя холодную землю,
Вы можете представить себе, как такие маленькие обятья,
Обнимают целую страну?

Том, ничего из того, что мы потеряли, нельзя вернуть.
Чем дальше мы отдалялись от нашего дома,
Тем больше мы жили среди фотографий:
Наши накрахмаленные белые летние платья,
Наш крокет, почему только Миша
Носил свою бескозырку набок,
Огромная люстра в холле, афганский плед в кабинете отца,
Вышивка на маминых подушечках,
То, как иконы, светились

В углах наших комнат над свечами.
Мой отец говорил, что наши иконы – это наша семья,
Мы не смогли взять с собой их все, только некоторые,
Зашитые в нашей одежде,
Самую маленькую, нашу Иверскую Божью Матерь,
В моем бюстгальтере, рядом с сердцем,
Святополка и Святослава, покровителей наших мальчиков,
В подоле моей юбки. Каждый раз, когда мы двигались,
Мы были, как передвижной храм.

В Харбине, наконец-то в безопасности, мы обустраивали наше жилище.
По крайней мере, пытались. Там не было работы, чтобы выжить –
Продавали наши украшения. Одно за другим.
Начиная с окладов для наших икон –
За аренду жилья, потом тёплую одежду и обувь,
Которые, как оказалось, не спасут от холодных китайских ночей.
Потом мы продавали самих святых, как рабов.

Их золота хватило, чтобы прожить целый год.
Бедное дворянство, как мы страдали,
Неприученные ни к чему.
Не прошло много времени, как я увидел пьяных графов,
Графинь, уехавших в Шанхайские бордели.
Наши молодые люди, заскучавшие и переполненные водкой,
Отправлялись в Сибирь воевать с красными,
Так как умирать – единственная работа, которую они могли найти.

Я плакала, потому что не могла уместить в своей душе все страдания.
Один солдат, не старше, чем ты сейчас, крикнул, что он птичка и выпрыгнул в окно,
Разбитое стекло на тротуаре смотрелось, как перья на солнце.

Твой отец был одним из тех молодых людей.
Мы поженились быстро, без взаимных чувств и церемоний.
Для большинства из нас главным было, как выжить.
Но в день, когда он уехал, океан разделил наши души,
Он кричал с корабля своё обещание создать дом и приехать за нами.
Я понимала, что это может быть дольше, чем годы.
Мы, женщины, знаем старую историю расставания.
Его письмо, написанное в декабре 41-го, пришло на месяц позже войны.

Первый год в концентрационном лагере ты сломал себе ключицу.
За окном больницы цвели вишни.
Первое, что мы услышали, что Японцы победили,
Затем американцы.
С нами никогда не общались плохо.
Парашюты Красного Креста с едой и одеждой падали, как милосердие.
Когда упала атомная бомба, нас бомбили в Токио, где мы
Бродили по улицам и спали на булыжниках.
Я носила тебя на спине. Твоя сестра была слишком тяжёлой.

Запомни эту фотографию: эта одежда,
Которую выдавала нам армия, была очень неудобна,
Так как никогда не подходила по размеру,
Кое-как я подгибала и подшивала.
Буквы Д.Р., нанесённые по трафарету на рукава,
Которые заставляли нас носить,
Делали нас такими позорными.
Том! Мне ничего не нужно напоминать.
Я помню всё, особенно те минуты, когда покинула Россию в 19 лет.
Неважно, где я жила, мне всегда было дискомфортно.
Однажды, в Сан-Франциско, идя по мостовой в толпе,
Услышала голос из громкоговорителя:
«Граждане налево, эмигранты направо».
Уличные музыканты пели что-то очень весёлое.
You pointed to the wrong father. I to the wrong husband.¹

Позднее, Лев Львов², потрясённый вновь открывшимися обстоятельствами, в которых оказались его близкие, в том числе и его будущий отец, Иван (тогда ещё мальчик 10 лет), выразил всё это стихами кратко, по-своему:

¹ Tom Meschery. Nothing We Lost Can Be Replaced. Poems. The Black Rock Press. University of Nevada, Reno. 1999.

² Племянник и крестный сын владыки Нафанаила и отец автора статьи.

Григорий с женой, Мария, Иван, Василий Львовы.

Их мать Мария Алексеевна в центре.

Харбин. 1930 г. Личный архив Анн Мещери. США.

В Сибири – мороз, зима,
Замершая на много тысяч лет земля,
Покрытая сединами тайга...

Поля пшеницы, ржи, овса, не убранные в срок –
Молитвенные свечки, вмерзшие в сугроб.
Три тысячи вёрст сквозь снежный тоннель...
«На Восток, на Восток!», как молитва теперь...

Я плачу потому, что не вернётся вновь
К растерзанной отчизне прежняя любовь.
В Святом Франциске, с корабля сойдя,
Я поняла: чужая мне земля.
Икону предков бережно храня,
Шепчу ей: «Blessed Lady, береги меня».

В Манчжурии Львовы вернулись к мирной жизни.

«Край процветал. Уже на первой станции мы были поражены изобилием фруктов. Владивосток в это время был в руках красного просоветского правительства, из-за которого папа должен был уехать из Приморья. Поэтому решили, не доезжая до Владивостока, остановиться в Манчжурии, в Харбине. Американцы снабдили нас продуктами на несколько месяцев жизни. Мама вспомнила, что у неё когда-то была любимая горничная, которая вышла замуж за телеграфиста, служащего на КВЖД. Она-то и помогла с благоустройством в Харбине, устроила сестру переводчиком в торговую фирму Козлова, нашла недорогую комнату для мамы и сестры в Харбине, а нас, троих мальчишек забрала к себе в Хорго». Там Василий «был назначен пасти коров, Гриша – лошадей, а Ванюшка помогал по дому». Осенью всё вернулись в Харбин, чтобы продолжать учебу. Младших братьев удалось устроить в лучшую в Харбине гимназию имени генерала Хорвата с полным содержанием, а Василий поступил в 5-й класс Харбинского реального училища. Благотворительный комитет, взявший оплату обучения и пансиона младших братьев, отказался платить за старшего Василия, и ему пришлось зарабатывать на учёбу самому продажей путеводителей по Харбину.

Жили в это время очень бедно, иногда впроголодь. Мария Алексеевна «к практической жизни была очень мало приспособлена. Она давала уроки английского и французского языков, знала их прекрасно. Но она совершенно не умела назначать платы за уроки, и, как мы шутили, она давала ежедневно уроки за два помидора в месяц».

Василий вступил в ряды YMCA – Христианский Союз Молодых людей.

По приезде в Харбин долгое время Львовы не могли ничего узнать о судьбе брата Николая. Перед взятием в плен он отморозил обе ступни ног и лежал с солдатами на соломе в сарае, слушившем лазаретом. За время, пока до него дошла проверочная комиссия, Николай успел срезать погоны и уничтожить офицерские документы, сохранив прочие бумаги. Поэтому, как рядовой, был отправлен по месту рождения в Москву, где пленных белых солдат оставили на голом полу на вокзале умирать без пищи, воды и кровя. Спасла Николая бывшая гувернантка Львовых и Толстых француженка Мария Магдалина Гамель, регулярно приходившая на вокзал для подачи милостыни. К иностранцам советская власть относилась более лояльно, и ей удалось получить разрешение взять к себе умирающего солдата. Она его вылечила, и впоследствии Николай Львов даже нашел работу в лесном ведомстве, к чему он имел склонность. В конце 1920-х М.М. Гамель удалось благополучно покинуть Россию.

Василий вырос в глубоко верующей и истинно русской благочестивой семье. «Моя мать – вспоминал он – умела молиться как никто другой». А.Ф. Керенский говорил об отце В.Н. Львове как о «глубоко набожном человеке». Вспоминая о бегстве от большевиков из разоренной ими России, владыка Нафанаил говорил о том, что в те трагические дни он часто прибегал к помощи искренней и горячей молитвы, которая часто была единственной надеждой на спасение.

После революционных потрясений Василий избрал путь служения церкви. В Харбине он

закончил Пастырско-Богословские курсы, затем – богословский факультет русского Свято-Владимирского института. Преосвященный Нестор, епископ Камчатский, создал в это время так называемый Дом милосердия – приют для детей-сирот и престарелых. При Доме был построен храм. В 1929 году Владыка Нестор постриг Василия Львова в монашество с именем Нафанаила. Вскоре при Доме Милосердия образовалась монашеская обитель.

В мае 1933 года отец Нафанаил в сане иеромонаха в качестве личного секретаря сопровождал архиепископа Нестора в Югославию для участия в работе Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) находившегося в городе Сремски Карловцы (Югославия), тогда же в Югославии происходил Архиерейский Собор Сербской православной церкви¹. Там впервые произошла встреча его с митрополитом Антонием (Храповицким). Отец Нафанаил писал: «Хотя наша семья была с ним лично знакома издавна, и наш отец, вопреки многому, пользовался любовью Владыки, ... мне тогда увидеть митрополита Антония не удалось». «Чрез руки великого митрополита Антония», по словам отца Нафанаила, он «воспринял от Церкви Христовой высокий сан игуменский». Эти слова приобретают особое историческое значение в контексте политической истории нашей Родины и нашей Церкви, поскольку в этот момент было написано теперь уже многим известное послание митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому), призывавшему русских православных христиан поддержать безбожную большевистскую власть в СССР. Митрополит Антоний отверг какие-либо возможности сотрудничества с советской властью: «Чтобы освободить нашу иерархию от ответственности за непризнание советской власти заграничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, Заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама...»².

Затем в Югославии владыка Нестор вместе с отцом Нафанаилом с начала сентября до конца декабря 1933 года посетил тридцать один город, двенадцать монастырей и прочитал семьдесят две лекции. Вместе с ними путешествовал студент богословского факультета Белградского университета Владимир Родзянко (впоследствии епископ Василий), в качестве переводчика и иподиакона. Множество русских и сербов всегда собиралось на службы и лекции владыки Нестора. В это же время состоялась встреча русских путешественников с Патриархом Сербским Варнавой, хорошо знавшим и высоко ценившим владыку Нестора с дореволюционных времен, и с епископом Охридским Николаем (Велимировичем), ныне причисленным к лику святых.

На обратном пути из Сербии в Харбин владыка Нестор и молодые воспитанники владыки, теперь игумены Нафанаил и Филарет совершили паломничество в Святую Землю. Перед отъездом состоялась беседа владыки Нестора и митрополита Антония, о которой отец Нафанаил вспоминал: «С владыкой Нестором из Белграда мы собирались ехать во Святую Землю. По этому поводу в присутствии митрополита Антония начались разговоры о том, что недавно греческие монахи около Гроба Господня подрались с католическими. И владыка Нестор повторил очень распространенную в таких случаях фразу:

– Какой позор, что у Гроба Того, Кто учил любви и миру, монахи дерутся.

Митрополит Антоний прервал:

– Нет, владыка, слава Богу, что дерутся. Значит любят. За то, к чему равнодушны, драться не бу-

Архиепископ Нестор, игумен Нафанаил и Кирилл Караполов. Харбин. 1935 г.
Фото Императорского Православного
Палестинского Общества

¹ Пузович В. Архивное наследие русской зарубежной церкви в Сербии // Макарьевские чтения: материалы восьмой международной конференции (21–23 ноября 2009 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. С. 287–293.

² Письмо блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому). 6 мая 1933 г. Электронный ресурс: <http://krotov.info/acts/20/1930/19330506.html> Дата обращения: 09.04.2017.

Нафанаил у входа в русскую церковь св. Марии Магдалины в Гефсимании в Иерусалиме

дут, а за то, что любят, полезут в драку. Слава Богу, что эти простые монахи так любят Господа нашего и Его святой Гроб»¹.

В результате этого путешествия возникла книга архиепископа Нестора «Святая Земля (Иерусалим и Палестина)», изданная в Харбине в 1935 году. Игумен Нафанаил редактировал текст книги и участвовал в технической подготовке этого издания, в которое вошли фотографии, сделанные им во время паломничества.

В 1934 году отец Нафанаил окончил Высшие богословские курсы в Харбине. Был настоятелем церкви и законоучителем в детском приюте при Доме милосердия в Харбине. В 1934–1937 он являлся редактором издания «Православный голос».

Богословскую деятельность отец Нафанил совмещал с научной – сотрудничал с русским Обществом изучения Маньчжурского края. Летом 1935 года гостями Общества были археологи Тейяр де Шарден и аббат Брейль. Отец Нафанаил вспоминал: «Мне удалось сотрудничать с двумя великими палеонтологами». Тогда же он провел археологическое исследование древней реки Ванчуан-хэ. Результатом стала «коллекция каменных орудий палеонтологического человека и костей плейстоценовых животных», которая получила высокую оценку Тейяра де Шардена и привлекла

внимание прессы: многие газеты опубликовали подробные материалы по этой коллекции и фотографии.

В 1935–1939 годы отец Нафанаил сопровождал Преосвященного Нестора в миссионерской поездке на Цейлон (с 1937 по 1939 год он был начальником православной миссии на Цейлоне). По возвращении в Харбин был возведен в сан архимандрита. В 1939 году назначен Архиерейским Собором помощником настоятеля Почаевской обители в Ладомирове, в Словакии. Занимался миссионерской деятельностью в Керале (Индия), писал статьи и книги. Среди них – апологическая повесть «Семь Святых Таинств» (издана в Ладомирове в Монастыре преп. Иова Почаевского в 1943 году)², предназначавшаяся для православных людей России с надеждой, что в трудные годы лишений принесёт многим «великую духовную пользу». В 1938 году отец Нафанаил был участником Третьего Всезарубежного собора.

В конце Второй мировой войны архимандрит Нафанаил был переведён в Берлин настоятелем кафедрального Воскресенского собора. В самом начале мая 1945 года, за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, архимандрит Нафанаил вместе с иеромонахом Виталием перебрались в Гамбург. Здесь отец Нафанаил стал инициатором создания (а затем и председателем) Комитета русской православной эмиграции, который спас от насилиственной депатриации тысячи русских. Об этих событиях тоже сохранились подробные воспоминания отца Нафанаила. До настоящего времени эта страница трагической послевоенной истории русских ост-арбайтеров, всё ещё остается малоизвестной. По распоряжению советских властей и по их договорённости с союзными военными перемещённые во время войны с территории Советского союза лица подлежали насилиственной депатриации. На родине их, подозреваемых в сотрудничестве с немцами и в неблагонадежности, ждало заключение в лагеря, а возможно, и смерть. Поэтому очень многие не хотели возвращаться в СССР и молили владыку Нафанаила о помощи.

«В самом начала мая 1945 года, – вспоминал владыка Нафанаил, – за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, мы, архимандрит Нафанаил и иеромонах Виталий, пришли из Берлина в Гамбург, частью пешком, частью подвозимые попутными автомобилями.

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Крупицы воспоминаний о встречах с великим Аввой митрополитом Антонием // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодёжи Заграницей. 1992. С. 80-81; Карапулов А., Коростелев В. С молитвой о святой Руси. Предисловие к кн.: Архиепископ Нестор. Святая Земля (Иерусалим и Палестина). (Харбин, 1935). Электронное издание: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/nestorpalestina0.php Дата обращения: 10.04.2017.

² Новое издание: Архиепископ Нафанаил (Львов). Семь святых таинств (апологетическая повесть) // Архиепископ Нафанаил (Львов). Семь святых таинств. Церковь как восстановление подлинного человека. Избранные труды. Спб., 2007. С. 5–139.

На богослужения, организованные нами в предоставленной нам англичанами немецкой церкви св. Иоанна Богослова, хлынуло множество народа, главным образом русских и сербов из многочисленных лагерей ост-арбайтеров. [...] После Пасхи англичане начали увозить русских в советскую зону. [...] Но подавляющее большинство ехало неохотно, только потому, что другого выхода не было. Англичане упорно твердили: «Все русские должны ехать домой».

Из самого большого в Гамбурге, т. н. «рыбного» лагеря, где было сосредоточено около 20 тысяч ост-арбайтеров, главным образом, русских, были в этот первый период депатриации вывезены все до единого обитатели. Среди увезённых было несколько священнослужителей. Уезжая, они плакали горькими слезами, и многие прибегали к нам, прося «похлопотать, чтобы можно было оставаться».

«Со слезами и отчаянием люди каждый день продолжали уезжать на восток. Оттуда стали доходить вести всё более мрачные. Нескольким увезённым удалось бежать и вернуться. Они рассказывали об ужасах. Среди увозимых начались самоубийства. Доходили слухи, что в американской зоне самоубийства принимают массовый характер».

В гамбургском лагере Кверкампф почти триста человек заявили о желании покончить жизнь самоубийством, но не возвращаться к большевикам. Они умоляли архимандрита Нафанаила помочь.

Сейчас подобные истории раскрываются в отношении т. н. «перемещённых лиц» и в других европейских странах. По ялтинскому соглашению все ди-пи (displaced persons – перемещенные лица) подлежали депортации в СССР. Вот что происходило в Италии: «Поняв, куда их везут, и отлично зная, что их ожидает, староста одного из лагерей бывший майор Советской Армии П.П. Иванов, пользовавшийся большим авторитетом у соотечественников, укоризненно бросил английскому коменданту: «Значит, вы всё-таки отправляете нас на смерть. А я-то в вас верил. Предала нас ваша демократия». Молодой офицер британской разведки А. Вайман вспоминал, как после погрузки в вагоны русские стали кричать: «Не отдавайте нас Советам. Лучше расстреляйте, если хотите, но только не посыпайте на пытки»¹.

Благодаря придуманному отцом Нафанаилом и его соратниками выходу с «восстановлением» документов удалось спасти и от самоубийства, и от смерти в советских лагерях многих людей. Их удалось выдать за граждан предвоенной Польши, на территории которой проживали и русские, и украинцы.

По воспоминаниям одной прихожанки и сотрудницы Комитета русских беженцев, «Отец Нафанаил после спасения людей из Кверкампфа стал хлопотать о всех, кому угрожала насилиственная депатриация, насилиственная выдача. По всей английской зоне прошёл слух о нём как о защитнике и помощнике. И многие стали приходить к нему, прося помощи и спасения»².

10 февраля 1946 года в Женеве митрополит Антоний рукоположил архимандрита Нафанаила в сан епископа Брюссельского и Западно-Европейского. Епископу Нафанаилу удалось добиться от французских властей разрешения на переезд из Югославии во Францию монахинь Леснинского монастыря.

С 1951 года служил в Англии с титулом епископа Престонского и Гааги, викария Западно-Европейской, жил в Англии.

В 1952 году епископ Нафанаил был назначен администратором русских приходов в Северной Африке, изучал церковную историю этого региона в первые века христианства. Тогда ему удалось быстро уладить конфликт между русским и греческим духовенством. Для духовного укрепления и объединения русского населения Северной Африки епископ Нафанаил предложил вплотить уже

Епископ Нафанаил.
1976-е.

¹ Базанов П.Н. Вторая русская эмиграция и «дипломатическая» печать в Италии (1945–1951) // Русские в Италии: культурное наследие русской эмиграции. Международная научная конференция. 18-19 ноября 2004. М., 2006. С. 182.

² Из воспоминаний о преосвященном архиепископе Нафанаиле // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 14.

Иеромонах Нафанаил
1933–1935 г.

существовавшую идею строительства русского соборного храма в Тунисе. Проект создал представитель первой волны русской эмиграции, архитектор М.Ф. Козмин, работавший в Министерстве градостроительства Туниса с 1946 года и занимавшийся восстановлением Бизерты после военных бомбардировок¹. 5 марта 1949 года правительство Туниса утвердило проект и предложило муниципалитету столицы выделить участок земли. Однако ничего не было сделано до приезда владыки Нафанаила. Ему же удалось добиться поддержки всех сторон, участвовавших в решении этого вопроса: властей Туниса, русского и греческого духовенства, объединить усилия прихожан, привлечь денежные средства, найти инженеров и строительные фирмы, которые согласились выполнить работы относительно недорого².

В этой работе владыка Нафанаил продолжил традицию своего великого предка – выдающегося русского архитектора-храмостроителя и художника Николая Александровича Львова. Воскресенский собор в Тунисе возводили по проекту архитектора Михаила Федоровича Козмина (1901–1999) – племянника священномученика архиепископа Рязанского Иувеналия (Масловского). Инженерные работы возглавлял Владимир Ефимович Лагодовский (1895–1983), который прибыл

в Тунис с русской эскадрой 25 декабря 1920 года. Образ этого одноглавого храма был ориентирован на знаменитый древнерусский храм XII века – церковь Покрова на Нерли. Благодаря упрощённой пластике фасадов, что было отчасти вынужденной мерой экономии средств, возникло сходство и с другим древнейшими святынями русской земли – с храмами Новгорода Великого и Древнего Киева. Глава храма, быть может, не случайно напоминала завершение подземной Константино-Еленинской церкви при Новоиерусалимском храме Воскресения. Она была покрыта голубой эмалью. Железобетонные монолитные конструкции стен и перекрытий позволили расширить внутреннее пространство этого относительно небольшого храма и устроить совсем тонкие внутренние опоры, вместо обычных для древнерусских храмов массивных столпов. Поэтому интерьер получился лёгким, светлым и воздушным. К сожалению, его не успели расписать. Низкий иконостас в традиции древнерусской и византийской был выполнен из икон и элементов, принесённых с корабельных храмов русского императорского флота, нашедших последнее пристанище в портах Туниса: линкора «Генерал Алексеев», крейсера «Кагул» и штабного судна «Георгий Победоносец». При закладке храма 11 октября 1953 года под закладной камень была помещена частица мощей священномученика Киприана, епископа Карфагенского, знаменитого распространителя христианства на северо-африканской земле в III веке.

Когда строительство храма было в самом разгаре, епископа Нафанаила неожиданно перевели в Германию. Строительные работы продолжались до 1956 года, и 10 июня новый храм был освящён святым архиепископом Шанхайским Иоанном (Максимовичем) – в то время архиепископом Западно-Европейским в сослужении епископа Женевского Леонтия (Барташевича) и настоятеля иеромонаха Митрофана (Единского-Мануйлова).

Вместе с владыкой Иоанном (Максимовичем) владыка Нафанаил был одним из инициаторов включения в святыи Русской Церкви имён ряда святых, прославленных на Западе до 1054 года – даты разделения Восточной и Западной церквей³. В 1953 году он представил Епископу Иоанну специальный доклад о раннехристианских святых Северной Африки с перечислением множества имён в виде обширного списка-календаря поминовений этих святых. Тем самым, быть может ненамеренно, епископ Нафанаил тоже продолжил дело своего предка Николая Александровича Львова по изучению раннехристианских древностей в эпоху классицизма.

¹ О нем см. подробнее: Левошко С.С. Козмин Михаил Федорович // Искусство и архитектура русского зарубежья. Электронный ресурс: <http://www.artrz.ru/menu/1804656749/1804870119.html> дата обращения 04 апреля 2017.

² Шкаровский М.В. Русские церковные общины в Тунисе. Статья опубликована на сайте Императорского православного палестинского общества: <http://www.ipro.ru/iproru/article/tusskie-cerkovnye-obschiny-v-tunise-mv-shkarovskiy-201716> Дата обращения: 08 апреля 2017.

³ Архиепископ Иоанн (Максимович). О почитании святых, просиявших на Западе. Доклад архиерейскому собору (1950 г.) // Русский паломник. №9, 1994. С. 53–58.

В предисловии к этому списку владыка Нафанаил ёмко и глубоко сформулировал причины и необходимость изучения местной церковной истории – того, что мы сегодня называем духовным краеведением: «Нельзя соглашаться с мнением некоторых, что вопрос этот теоретичен, и что ныне не время изыскивать святых, когда бедой является охлаждение христиан, а не недостаточное число святых Божиих. Достодолжное прославление святых может и будет служить делу пробуждения человеческих душ. Когда православный человек живёт в каком-нибудь городе или селении, связанном с именем того или иного святого, у него, при наличии минимальной церковности, неизбежно возникает личная связь с данным святым. Если же такому православному будет сказано, что данный святым – не православный, нашей Церковью не чтится, то связи этой не возникает, и данный человек лишается благодатного воздействия на его душу данного святого, который через местность общую для него и для православного человека, живущего в данном селении, мог бы стать знаемым, любимым святым, другом души, могущим молитвами и воздействием принести много пользы современной православной душе. Те, кто испытали сами благотворное воздействие святых на наши души, их благодатную помошь или от других слышали о случаях такой помошни (например, случай обращения от теософии к Православию нынешнего епископа Серафима преподобным Серафимом Саровским, согражданом Преосвященного Серафима), поймут важность достодолжного прославления святых Северной Африки для почти 4.000 русских православных людей, ныне там живущих»¹.

С 1954 года владыка Нафанаил окормлял приходы в Мангейме и Берлине.

С 1961 года и до последних дней своих владыка Нафанаил состоял членом Свято-Князь-Владимирского братства, неоднократно председательствовал на его общих собраниях, с 1964 по 1978 состоял в правлении Братства. В 1966 году он стал настоятелем монастыря Св. Иова Почаевского в Мюнхене и оставался им до 1980 года.

С 1971 года владыка Нафанаил временно управлял Австрийской епархией. К этому времени относится ещё одно важное и символичное событие современной истории Русской православной церкви, совершившееся при деятельном участии владыки. В конце 1974 года православному приходу Вены был передан бывший ранее католическим храм святой Бригиты – ирландской подвижницы V века, основательницы первого женского монастыря в Ирландии. Владыка Нафанаил предложил сохранить посвящение храма св. Бригиты при его освящении, поскольку это была святая, которая жила, когда «Церковь Ирландии хранила особо тесную связь с Востоком». Не получив ответа Священного Архиерейского Синода с разрешением такого посвящения храма, владыка всё же сам решился его святить, и после этого торжественного события, состоявшегося 15 июня 1975 года, он составил доклад Архиерейскому совещанию в Европе с обоснованием посвящения и с просьбой его утвердить. В этом докладе он приводит краткие сведения о древней Ирландской Церкви и о житии святой Бригиты. А затем излагает замечательную историю почитания этой святой в Вене после чуда, совершившегося на месте, где и был потом построен храм в её честь. В июле 1683 года во время осады Вены турками святая Бригита явилась венцам, направляя их пушку на турецкий лагерь. После этого обстрела турки отменили штурм Вены, и вскоре на помощь венцам прибыла армия под командованием польского короля Яна Собесского. Турки были разбиты, и Вена спасена. Владыка Нафанаил заметил, что это чудо святой Бригиты спасло не только Вену, и не только Австрию, Италию и всю Европу от турецкого нашествия, но и оказалось большой помошь России, которая тоже подвергалась в то время турецким и татарским нападениям².

Игумен Нафанаил Харбин.
1933 г. Фото «Русский Харбин».

¹ Цит. по электронному ресурсу: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=940> Дата обращения: 04.04.2017.

² Архиепископ Нафанаил (Львов). Доклад Архиерейскому совещанию в Европе об освящении церкви в честь преподобной Бригиты в Вене 15 июня 1975 г. // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 274-279.

*Отец Нестор с Алешией Львовыми
и внучкой генерала Добужинского.
Белград. 1930-е годы.*

В 1976 году владыка Нафанаил был назначен епископом Венском и Австрийским. По воспоминаниям, владыка Нафанаил прекрасно проводил богослужения. У него не было музыкального слуха, но голос был чист, ясен и проникновенен. «Пасхальная радость, которую чувствовал владыка, была так велика, что она передавалась всем людям, стоящим в церкви. И каждый считал, что это к нему обращено, что восклицает владыка «Христос Воскресе!», призывая именно его до конца понять эту великую весть и возрадоваться вместе с ним»¹.

Он обладал природным даром проповедника, был необыкновенно эрудирован, в совершенстве владел богословием, философией, русской и всемирной литературой, откликался на самые актуальные вопросы в области истории, которую знал и любил, или Священного Писания, археологии, астрономии, даже зоологии. Живой, оригинальный лектор, интересный собеседник, он на всё и вся имел свои мысли, никогда не отклоняясь от учения святых отцов церкви.

Его духовное наследие ценно для нас той живой традицией естественной «тихой» веры, которой было пропитано существование всех благочестивых русских семей до катастрофы 1917 года и последовавшего затем геноцида русского народа и всех народов Российской империи. Для примера приведем фрагмент из его проповеди на евангельскую притчу о виноградарях: «Святые отцы, истолковывавшие эту притчу, от Василия Великого до митрополита Антония, любили напоминать, что

этими плодами прежде всего являются душевые устроения любви ко Христу и верности Ему. Не столько дел ждёт от нас Господь, а именно душевного устроения. Возможности творить добрые дела это Он предоставляет или не предоставляет нам. А вот любовь к Нему, верность Ему, и те усилия, которыми нудимся, принуждаем мы себя по евангельскому слову, это мы можем принести от себя, и этого ждёт от нас Господь.

И если будет в нас такое душевное настроение, тогда добрые дела изолются из нас, свободно естественно, непосредственно просто, а не вынужденно в порядке принудительных “добрых акций” культивируемых Западом»².

Личность владыки Нафанаила хорошо ощущается в его текстах, всегда живых и прочувствованных. Они несут нам те «глотки свежего воздуха» правды, который удалось сохранять в духовной жизни ученикам и последователям митрополита Антония (Храповицкого): «... по своей правдивости, митрополит Антоний не терпел позы и экзальтации. Как только он замечал признаки атмосферы восторженности, он разрушал её «неприличным словом»³. Среди родственников владыки Нафанаила сохранились воспоминания, что он был очень сердечным и естественным в общении с близкими, любил беседы на самые разные темы, в которых часто становился главным центром внимания поскольку имел дар рассказчика.

В 1981 году владыка Нафанаил был возведен в сан архиепископа. Последние годы он безвыездно жил в обители преподобного Иова Почаевского. Когда он тяжело заболел и нуждался в усиленном уходе, братия не пожелала отдать Владыку в старческий дом и с большим терпением ухаживали за настоятелем. «Лично я встретился с владыкой Нафанаилом перед его смертью, когда он жил в нашем мюнхенском монастыре... все его очень любили»⁴.

¹ Из воспоминаний о преосвященном архиепископе Нафанаиле // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 15.

² Цит. по электронному ресурсу: http://synod.com/synod/tocor/ser_archbpnafanailned13.html Дата обращения: 04.04.2017.

³ Архиепископ Нафанаил (Львов). Крупицы воспоминаний о встречах с великим Аввой митрополитом Антонием // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей. 1992. С. 82.

⁴ Из письма монаха Филарета к А.П. Львовой 12 марта 2008 г. (архив семьи Львовых в Москве).

Нафанаил на берегу Галилейского моря.
Из книги «Святая Земля (Иерусалим и Палестина)»

Игумен Нафанаил в лодке на реке Иордан.
Архиепископ Нестор. Харбин. 1935 г.

Полуслепой и практически лишённый возможности передвигаться, владыка Нафанаил наладил в этой обители значительную по масштабам издательскую деятельность, направленную на выпуск духовных книг и брошюрок, тайно переправлявшихся в СССР.

Архиепископ Венский и Австрийский, преосвященнейший Нафанаил мирно скончался 8 ноября 1986 года, в день великомученика Дмитрия Солунского. Тело его предано земле на архиерейском участке русского кладбища в Висбадене.

Перу Владыки Нафанаила принадлежит несколько книг. Многочисленные статьи его печатались в «Харбинском православном голосе», в «Православной Руси», в православных сборниках в Париже, в «Церковном Голосе», и в «Вестнике Православного Дела Западной Германии», неоднократно передавались западными радиостанциями на русском языке. В 1991-1995 годах комитетом Русской православной молодежи за границей в Нью-Йорке все труды владыки были собраны в пятитомное издание под названием «Беседы о Священном Писании и о вере». В предисловии к первому тому епископ Манхэттенский Илларион, председатель комитета Русской православной молодежи за границей, писал: «Беседы...» архиепископа Нафанаила представляют собой уникальное явление в русском богословии. Автор «Бесед...» – личность неординарная и неоднозначная. Он прошёл сложный жизненный путь и впитал в себя духовный опыт различных церковных течений, с которыми его богатая судьба довела ему познакомиться. Россия, Маньчжурия, Европа, Америка, Африка, – где бы он ни был, проблемы местной церкви его волновали в одинаковой мере, и везде он оставил память о себе в своей эрудированной и актуальной церковной публицистике. ... Читатель легко заметит одно редкое писательское качество архиепископа Нафанаила: о чём бы он ни писал или говорил – о далёком от нас историческом всемирном потопе или о делах африканских – он совершенно естественно и непринужденно переходит к одной единственной теме, которая является темой и смыслом всей его жизни – Бог, церковь, душа, Спасение и... Россия».

Богатый жизненный опыт архиепископа Нафанаила, его дар непосредственно и живо воспринимать окружающую жизнь во всём многообразии духовных проблем, – открыли ему широкие возможности для публицистической и писательской деятельности.

Его тексты на самые различные темы духовной жизни, церковной истории, по каноническим проблемам меж-епархиальных отношений, по истории русской культуры, – всегда наполнены непосредственным личным знанием и личным переживанием всего, о чем владыка Нафанаил брался писать. Его живой ум и одарённость интеллектуала, свойственные многим представителям семьи Львовых, оживляют его публицистические тексты и наполняют его проповеди тем подлинным чувством человечности, которое так убеждает и привлекает души людей.

Среди работ владыки Нафанаила есть статьи о русском искусстве и русской культуре, которые возникли и как результат трудов над проповедями или в итоге публицистической деятельности. Тем не менее, они и сегодня представляют интерес не только для любителей русского искусства, но и для специалистов – искусствоведов и культурологов. Таковы его работы о Владимирской иконе Божией Матери, о жизни и творчестве Андрея Рублёва, о смысле, духовных аспектах и

В Монастыре Св. Иова Почаевского в Мюнхене.
1980-е. Личный архив

историческом значении деятельности императора Петра I¹.

Россия почти всегда явно или откровенно находится в основании всех тем отца Нафанаила. Поэтому и прикосновения его к политическим проблемам, неизбежные и даже необходимые в контексте истории его эпохи и его служения, оказываются глубоко личными, волнующими и убедительными. Глубоко проникая в духовную суть явлений и действий исторических личностей, владыка Нафанаил предсказал прославление Церковью преподобного Андрея Рублёва и Царственных Мучеников. Его восприятие личности и дел Петра I многим приверженцам поисков национальной идентичности покажется неожиданным своими положительными выводами относительно значения императорского устройства Российского государства для «удержания» духовной жизни русского народа от разрушения.

Ещё в молодые годы к отцу Нафанилу пришло понимание необходимости всеобщего покаяния русских людей как единственного пути к выживанию и к спасению разоренной революционерами России. Задолго до прославления Русской зарубежной церковью Царственных мучеников и их убитых большевиками соратников, он осознал и свою личную ответственность за ошибочные убеждения и действия своих близких, и необходимость такого осознания для всех вольно или невольно оказавшихся втянутыми в процесс уничтожения законной императорской власти и Российской государственности. В его проповедях на протяжении десятилетий звучали призывы к покаянию, адресованные как непосредственным участникам революционных событий, так и их потомкам и родственникам. Сегодня, в год столетия страшной катастрофы нашей Родины, глубоко прочувствованные, выстраданные и наполненные любовью и мудростью слова владыки Нафанаила могут оказать нам помощь в преодолении духовных и физических последствий тех лет. Приведём несколько цитат, дошедших до нас в опубликованном виде, которые поразительно современны сегодня.

На двадцатипятилетие февральской революции в 1942 году владыка свою великопостную проповедь «За измену Божией Правде» наполняет воспоминаниями о февральских событиях 1917 года: «Не даром именно теперь, четвертьвековая юбилейная дата напоминает нам о нашем грехе, совершенном двадцать пять лет тому назад. Пусть не отказываются от покаяния в этом грехе те молодые поколения, которые на родных ли полях, на чужбине ли выросли в долгий период, протекший с тех пор. [...] Если в нас есть национальное сознание, мы полностью должны принять на себя всю полноту последствий и ответственности за всё, совершенное нашими отцами и отдалёнными предками. Если мы имеем право хвалиться подвигами богатырей, Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, Скобелева, пользоваться духовными плодами наших русских святых..., то не можем мы отказываться от ответственности за грехи наших предков»².

Продолжал эту мысль владыка Нафанаил и через двадцать лет: «О, если бы хоть в этом проявилось наше покаяние в содеянном, наш ужас перед глубиной нашей вины перед всем миром, если бы хоть сейчас, во единонадеятый час человеческой истории, прекратили бы мы повторение пошлых и плоских бессмысленных формул, вошедших в наш язык тогда, в годы борьбы с Помазанником Божиим! [...] Мало что можем. Но это малое принесём. Принесём нашу молитву о нашем Мученике-Царе, о том, чтобы воистину со святыми упокоил его Господь. Принесём в нашем сердце твёрдый обет никогда не позволять ни устам своим, ни разуму своему

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Владимирская икона Божией Матери; Преподобный Андрей Рублев; Слово к прославлению блаженной Ксении; О Петре Великом // архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей. 1992. С. 171–211.

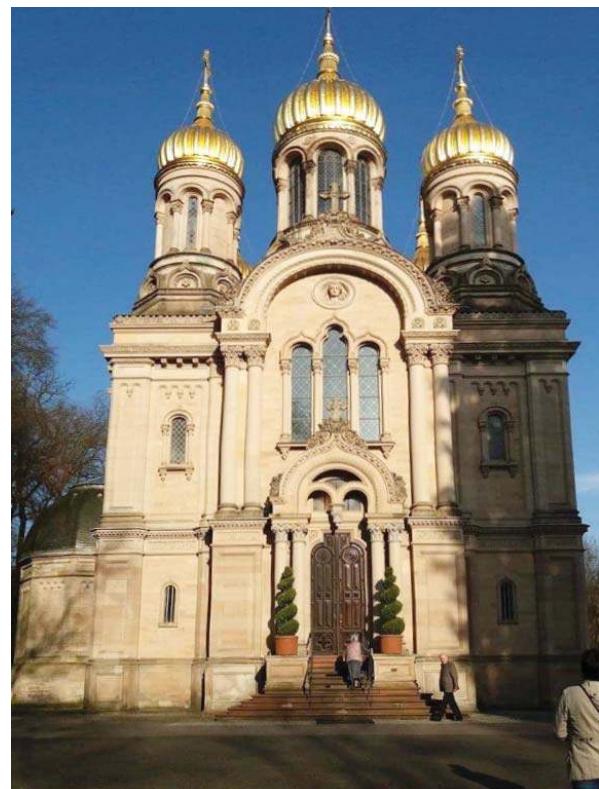
² Архиепископ Нафанаил (Львов). За измену Божией Правде // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей, 1992. С. 91–92.

Монастырь св. Иова Почаевского в Мюнхене.
Декабрь 1973 г.

Храм Воскресения Христова
русской Православной Церкви в Тунисе.
Фото ОПЭ «Древо». 2008 г.

Церковь святой праведной Елизаветы на горе Неберг. Висбаден. 2017.

Могила Архиепископа Нафанаила.
Висбаден. 2017. Личный архив М.Ю. Сорокиной

повторять гнусные неправды, возводимые на нашего Царя и на его дело, на его служение, гнусные неправды и доныне повторяемые во всем мире. А главное, дадим обет нашему Государю, бессмертному духу его, быть может и сейчас присутствующему среди нас, на этой молитве за него и его семью, в том, что, что бы с нами не случилось, мы никогда не примиримся с силами сатанинского зла, убившими нашего Государя и полонившими нашу Родину»¹.

Еще через двадцать лет, в 1981-м, Русская православная церковь Заграницей официально признала императорскую семью царственными мучениками, и снова владыка Нафанаил подтвердил свою духовную позицию: «Император Николай II – многосторонний мученик. Он мученик, как и простой человек христианин, как миллионы других русских мучеников, убитых за то, что они верили в Бога и остались верными своему исповеданию. Поэтому может он быть поставлен во главе многомиллионного множества русских людей, убиенных и замученных бо́гоборцами в наше время»².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивное наследие русской зарубежной церкви в Сербии // Макарьевские чтения: материалы восьмой международной конференции (21–23 ноября 2009 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. С. 287–293.

Архиепископ Иоанн (Максимович). О почитании святых, просиявших на Западе. Доклад архиерейскому собору (1950 г.) // Русский паломник. №9, 1994. С. 53-58.

Архиепископ Нафанаил. Беседы о священном писании и о вере. Собрание из 5-ти томов. Изданы Комитетом Русской Православной Молодежи Заграницей. 1991–1995.

Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) // Русские в Италии: культурное наследие русской эмиграции. Международная научная конференция. 18–19 ноября 2004. М., 2006. С. 182.

Искусство и архитектура русского зарубежья. Электронный ресурс: <http://www.artrz.ru/menu/1804656749/1804870119.html> дата обращения 04 апреля 2017.

Н.А. Львов. Жизнь и творчество. Новые материалы / сост. и науч. ред. А.Б. Никитина. Вышний Волочёк, 2013. С. 669.

Петербургский Периховский сборник. Часть VIII. Санкт-Петербург. Периховский центр СПбГУ. Вышний Волочек. Издательство «Ирида-прос». 2008.

Письмо блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому). 6 мая 1933 г. Электронный ресурс: <http://krotov.info/acts/20/1930/19330506.html> Дата обращения: 09.04.2017.

Русские церковные общинны в Тунисе. Статья опубликована на сайте Императорского православного палестинского общества: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/russkie-cerkovnye-obschiny-v-tunise-mv-shkarovskiy-201716> Дата обращения: 08 апреля 2017.

Tom Meschery. Nothing We Lost Can Be Replaced. Poems. The Black Rock Press. University of Nevada, Reno. 1999.

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Слово в годовщину убийства Государя Императора Николая II и его царской семьи (на панихиде 4/17 июля 1961 года в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Берлине) // Там же. С. 74, 75.

² Архиепископ Нафанаил (Львов). О прославлении Царя — Мученика // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и о вере и Церкви. Т. 5. New York, 1995. С. 95.